

ПАНОРАМА МИРОВОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия.
Современный взгляд

КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КАНТОВСКОЙ АНАЛИТИКИ
ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ*

Д.Н. РАЗЕЕВ

Проблема обоснования Кантом применимости телеологических суждений в процессе нашего познания природы представляет собой одну из самых малоисследованных областей в отечественном кантоведении, несмотря на то, что телеологические идеи Канта, по справедливому замечанию многих знатоков его философии, предопределили философские интересы мыслителя в самые последние годы его жизни¹. В этом смысле представляется актуальным рассмотреть то обоснование объективной целесообразности природы, которое Кант приводит во второй части своей «Критики способности суждения», посвященной телеологической способности суждения, а также указать на те философско-научные следствия, которые вытекают из предложенного мыслителем из Кенигсберга решения проблемы.

Начнем с того, что поиск адекватного ответа на вопрос о том, по какому принципу устроены наши телеологические суждения (т.е. наши суждения о целесообразности чего-либо), заставляет Канта довольно внимательно всмотреться в понятие целесообразности. Во второй части «Критики способности суждения» Кант проводит, говоря без преувеличения, целый комплекс различий в самом этом понятии, опираясь первоначально на ту модель, которую он предложил еще в первой части работы, посвященной принципу действия эстетических суждений. Напомним, что в их основе, по Канту, лежит так называемая субъективная целесообразность, рассмотрением формальной стороны которой он и предполагал ограничиться в своем сочинении. Это значит, что самое первое различие в понятии целесообразности, усмотренное Кан-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Идея телеологии в трансцендентальной философии Канта и современной феноменологии», грант № 09-03-00441а.

том наряду с делением целесообразности на субъективную и объективную (которое вообще выступает основанием разбивки сочинения на эстетическую и телеологическую части), — это различение формальной и материальной целесообразности. Если под основанными на формальной целесообразности эстетическими суждениями Кант, как мы знаем из дальнейшего текста «Критики способности суждения», понимает суждения о прекрасном и возвышенном, то что же он в таком случае подразумевал под эстетическими суждениями, основанными на материальной целесообразности? Упоминание о таких суждениях содержится в первом Введении в «Критику способности суждения», где они называются «эстетическими суждениями чувствования»². Эти суждения, воспроизведем аргументацию Канта, возникают как следствие того, что мы испытываем непосредственное чувство удовольствия через внешние чувства (такие суждения можно также назвать суждениями, основанными на физическом чувстве приятного). Поскольку источник такого рода эстетических суждений находится в самих предметах чувств, то, стало быть, эти суждения не могут обладать никаким элементом всеобщей значимости, а значит, не представляют интереса для трансцендентального исследования.

Не удивительно, что в «Критике телеологической способности суждения» Кант вновь возвращается к этому разделению целесообразности на формальную и материальную, однако применяет его теперь уже не к субъективной целесообразности (лежащей в основе эстетических суждений), а к объективной (лежащей в основе телеологических суждений). В итоге он приходит к выводу, — который, как мы знаем, произвел такое сильное впечатление на Гёте³, — что критика телеологической способности суждения также должна ограничиваться рассмотрением только формальной целесообразности, оставив в стороне материальную. В пользу этого Кант приводит следующее любопытное обоснование. С одной стороны, замечает он, целесообразность чего-либо можно установить через знание его цели, т.е. через, если угодно, обладание ею. В таком случае речь как раз и будет идти о материальной целесообразности (поскольку сама целесообразность будет зависеть от уже заданной цели). Однако, с другой стороны, возможен и существенно иной ход, а именно установление целесообразности чего-либо без знания самой цели. В таком случае речь идет об установлении целесообразности только в формальном отношении, без ответа на вопрос, *зачем* нужна подобная целесообразность. По мнению Канта, древние геометры, открывая свойства фигур вообще, имели дело именно с формальной стороной объективной целесообразности, поскольку не руководствовались в своих открытиях знанием конкретных целей, из которых бы вытека-

ли свойства геометрических фигур. Таким образом, Кант ведет речь о некоторой «интеллектуальной целесообразности», которая, с одной стороны, объективна (а не субъективна, в отличие от целесообразности эстетических суждений), а с другой стороны – формальна (поскольку в ее основе нет никакой конкретной цели). Тем самым Кант, по-видимому, возвращается к той своей интуиции, которую он излагал еще во Введении и которая касалась различия универсальных и особенных законов в природе. Напомним, Канта там волновал вопрос о том, как соотносятся универсальные законы природы, которые объективно задаются нашим рассудком природе, с теми особенными, или частными, законами, по которым она функционирует на эмпирическом уровне. Почему в природе имеется только ограниченное количество форм, а не безграничное, ведь рассудок не выставляет природе в этом отношении никаких ограничений? Решение этого вопроса – главный мотив кантовской телеологии.

Этот мотив подталкивает Канта к введению особого принципа разделения целесообразности, позволяющего различать целесообразность *относительную и внутреннюю*.

Реконструируем это различие, которому, надо отметить, не уделялось достаточно внимания в исследовательской литературе⁴. Очевидно, что, предлагая ввести это различие, Кант пытается установить одно важное, с его точки зрения, ограничение в исследуемом им понятии целесообразности, т.е. имеющегося различия между формальной и материальной объективной целесообразностью ему, по-видимому, недостаточно для описания того, каким именно телеологическим суждениям будет посвящена вторая часть «Критики способности суждения». То, что имел в виду Кант, можно прояснить, сославшись на одно его небольшое примечание к первому предложению § 63, посвященному собственно делению целесообразности на относительную и внутреннюю. Комментируя свои слова о том, что наша способность суждения приходит к понятию целесообразности «объективной и материальной, т.е. к понятию цели природы»⁵ в том случае, если нам требуется рассуждать об отношении причины к действию, Кант делает следующее важное дополнение: «Поскольку в чистой математике речь может идти не о существовании предметов, а об их возможности, а именно о соответствующем созерцании их понятий, следовательно, вообще не о причине и действии, то обнаруженную здесь целесообразность надлежит рассматривать только как формальную и никогда нельзя рассматривать как цель природы»⁶. Здесь в тексте Канта, как видим, появляется один из самых фундаментальных его концептов, понятие «цель природы», «*Naturzweck*» (к его разъяснению мы скоро вернемся). Иными словами, Кант хочет обратить

наше внимание на то, что его рассуждения о целесообразности свойств геометрических фигур были лишь *демонстрацией* принципа формальной целесообразности вообще, но вовсе не касались вопроса о целесообразности природы как таковой. Не означает ли это, что, как только мы переходим к вопросу о целесообразности природы, то тут же автоматически вступаем в область действия *материальной* целесообразности? Это вопрос, который вызывает определенные затруднения.

С одной стороны, предположение о том, что в случае рассуждения о целях природы мы всегда затрагиваем лишь материальную целесообразность, имеет право на существование. С другой стороны, такая материальная целесообразность, в силу того, что она зависит не от нас самих, а от реального наличия целей, подразумевает, что наше понятие о целесообразности обусловлено знанием этих целей. Но тогда все предприятие по выявлению некоего общего принципа суждений о целесообразности природы автоматически лишается смысла. Дело здесь, скорее всего, обстоит несколько сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Кант, вероятно, имеет в виду, что, во-первых, мы можем лишь предполагать (но не знать) материальную целесообразность природы, причем сам опыт постоянно дает нам для этого пищу (об этом Кант и упоминает, когда говорит, что мы можем рассуждать об отношении причины к действию в природе); во-вторых, предполагать такую целесообразность мы можем двояко – в качестве относительной и в качестве внутренней (сейчас мы вернемся к этому делению); однако, в-третьих, за само предположение все равно ответственной остается наша способность суждения, а не вещи природы сами по себе. Таким образом, при всех делениях, которые проводит Кант, мы не должны упускать из виду один важный момент, разъясненный им еще во Введении к своему сочинению, – всеобщность целесообразности зиждется на способности суждения, но не на самих вещах.

Теперь вернемся к делению объективной целесообразности на относительную и внутреннюю. Относительная целесообразность, по мысли Канта, имеет место тогда, когда в процессе рассуждения о природе мы рассматриваем тот или иной продукт природы как *средство* для целесообразного применения его человеком или каким-либо другим продуктом природы. В первом случае под такой относительной целесообразностью подразумевается *полезность* продукта для человека, а во втором – *пригодность* такого продукта природы для чего-то другого. Говоря о полезности и пригодности как видах относительной целесообразности, Кант имеет в виду *естественную* полезность и пригодность. Однако в обоих случаях речь идет именно об относительной целесообразности.

ти, поскольку она затрагивает не сами продукты природы, но лишь их отношение к другим вещам: «Это лишь относительная, случайная для самой вещи, с которой ее связывают, целесообразность»⁷. Кант сам указывает на то, что такую целесообразность можно назвать «внешней целесообразностью», поскольку она служит каким-то внешним (а не собственным) целям. Такая внешняя целесообразность была бы, однако, невозможна, если бы то, для чего она служит, не предполагало наличия собственных целей. Иными словами, внешняя целесообразность не имела бы смысла, не будь целесообразности внутренней. Суждению, основанному только на относительной целесообразности природы, Кант отказывает в статусе «абсолютного» (в данном контексте — полностью самостоятельного) телеологического суждения.

Таким образом, любое наше рассуждение о каком-то продукте природы как средстве для другого продукта природы подспудно предполагает такой модус рассуждения, в котором продукт природы расценивается уже не просто как средство, но именно как цель природы. В этом и состоит, по Канту, второй вид рассуждения о целесообразности природы, а именно, о ее *внутренней* целесообразности, который, как уже стало ясно, больше всего интересует Канта. Суждения о внутренней целесообразности природы — это суждения о продуктах природы как ее целях. Однако в чем заключается своеобразие вещей как целей природы?

Ответ на этот вопрос Кант дает в два этапа. Для начала нужно понять, что означает вообще быть вещью как целью. Вещь как цель предполагает, что причину ее существования именно в том виде, в каком она есть, следует искать не в механизме природы, а в какой-то иной первопричине, которая способна на то, чтобы создать вещь благодаря заранее имеющемуся понятию об этой вещи. Поскольку механизм природы действует по законам рассудка, а понимание вещи как цели должно превосходить такой механизм, постольку само это понимание предполагает наличие разума, задающего вещи ее форму в соответствии с иного рода каузальностью, нежели та, которую задает каузальность рассудка. Вещи как цели, указывает Кант, мы называем продуктами искусства, поскольку в них в качестве причины их существования предполагается наша разумная, а не рассудочная деятельность. Вместе с тем такого объяснения, продолжает Кант на втором шаге развития своей мысли, недостаточно, чтобы понять, что означает вещь как цель природы. Так, он пишет: «Однако для того, чтобы считать нечто, признаваемое как продукт природы, также и целью, тем самым *целью природы*, требуется, если в этом не заключено противоречие, уже нечто большее. Пока что я бы сказал: вещь существует как цель природы, если она *есть причина и действие*»⁸ са-

мой себя (хотя и в двояком смысле), ибо в этом утверждении заключена каузальность, которая не может быть связана просто с понятием природы, если не приписывать природе цель; но тогда ее можно, правда, мыслить без противоречия, но не постигнуть»⁹. Из этого определения, которое, на первый взгляд, звучит несколько странно¹⁰, вытекает, что если мы намерены рассматривать вещь не просто как наличную в природе, но как *цель*, то она должна быть одновременно и причиной, и действием самой себя. Однако что собственно здесь имеет в виду Кант, остается не вполне ясным. Возможно поэтому он предлагает подступиться к вопросу о прояснении соотношения причины и действия с другой стороны — со стороны различия двух видов каузальности. Каузальность, которую мыслит наш рассудок, он называет каузальностью действующих причин (*nexus effectivus*). Такая каузальность характеризуется тем, что идет все время по восходящей линии. Это означает, что действие одной вещи может считаться причиной другой вещи, однако это действие как бы одностороннее, поскольку последующая вещь уже не может быть причиной предыдущей. В отличие от такого вида рассудочной каузальности у нас имеется представление и о разумной каузальности, т.е. о каузальности согласно понятиям разума (целям). Ее можно, по Канту, назвать каузальностью конечных причин (*nexus finalis*). Эта каузальность характеризуется тем, что предполагает не только восходящее, но и нисходящее движение. Одна вещь здесь может быть причиной другой вещи, но и последняя в свою очередь может стать причиной первой. Какого же вида каузальность, продолжает свое рассуждение Кант, предполагается в понятии вещи как цели природы?

Понятие вещи как цели природы предполагает, что все части этой вещи возможны только благодаря их отношению к вещи как целому. Вещь в целом выступает здесь целью, а значит, у нас имеется некоторое понятие о такой вещи, которое включает в себя все ее части. Вместе с тем, замечает Кант, такое понятие о вещи как целом все же отличается от мыслимой только разумом (благодаря каузальности конечных причин) вещи как произведения искусства, все части которого служат ему как единому целому. Это очень важное замечание. Имеется в виду, что понятие вещи как цели природы предполагает сверх уже упомянутого *единства целого* еще и то обстоятельство, что такое единство есть результат не механического сложения частей, но их взаимодействия друг с другом, причем взаимодействия попеременного, т.е. представляет собой не что иное, как взаимообусловленный процесс причин и действий. «Ибо лишь таким образом, — добавляет Кант, — возможно, чтобы идея целого в свою очередь (взаимно) определяла форму и связь всех частей, не как причина, ибо тогда вещь была

бы продуктом искусства, а как основание познания систематического единства формы и связи всего многообразного, содержащегося в данной материи, для того, кто выносит о нем суждение»¹¹. Теперь становится очевидно, что рассуждение о вещи как цели природы требует от нас использования обоих видов каузальности (как каузальности действующих причин, так и каузальности конечных причин), поскольку, с одной стороны, мы объясняем каждую часть вещи природы как действующую причину для остальных частей этой вещи, но в то же время вместе они составляют такое целое, которое в свою очередь может быть объяснено лишь через каузальность конечных причин. Точнее говоря, если внимательно проанализировать мысль Канта, то оказывается, что при рефлексии о вещи природы как цели мы рассуждаем о ней таким образом, что каузальность действующих причин «одновременно» выступает каузальностью причин конечных. После такого прояснения Кант находит адекватное, по его мнению, наименование для вещей природы как целей: «В подобном продукте природы каждая часть так же, как она существует *посредством* всех остальных, мыслится и как существующая *ради* всех других и ради целого, то есть как орудие (орган); однако этого недостаточно (ибо она могла бы быть и орудием искусства и представляться возможной только как цель вообще) — она должна мыслиться как орган, *создающий* другие части (следовательно, каждая часть — другую и наоборот); такой орган не может быть орудием искусства, он может быть только орудием предоставляющей весь материал для орудий (даже орудий искусства) природы; и лишь в этом случае и поэтому такой продукт может быть назван в качестве *организованного и самого себя организующего целью* природы»¹². Таким образом, вещь природы как цель — это не что иное, как организм, или, как предпочитает выражаться сам автор, «организованное существо».

Организм как цель природы радикально отличается от продукта искусства как практической цели. Характерное отличие, повторимся, состоит в том, что в продукте искусства одна его часть не может быть действующей причиной другой его части. Подобное имеет место только в организме, поскольку организм — это нечто большее, чем слепой механизм. Исходя из этого, Кант делает радикальный вывод, что продукт природы не представляет собой простой аналогии продукту искусства. Последний предполагает создателя, заранее обладающего тотальным понятием создаваемой им вещи. Организм же как продукт природы, подчеркивает Кант, организует себя сам, и если и можно подобрать какое-то адекватное описание для его своеобразия, то таковое следует обозначить не иначе как «аналогом жизни».

Каков же статус такого понятия о вещи? При ответе на этот вопрос Кант обращает наше внимание на его эпистемологический аспект, т.е. на его значимость для самого процесса нашего познания природы. Имеется в виду, что хотя это понятие не дает нам ничего в конститутивном отношении (не обладает значимостью непосредственно для познания природы), оно, тем не менее, играет важную роль в регулятивном отношении (имеет значимость для самой организации нашего познания природы). Таким образом, организмы, по Канту, оказываются единственными продуктами природы, предполагающими (и не без основания) особый способ рассуждения о них, альтернативный чисто механистическому объяснению; такой способ рассуждения зиждется на каком-то собственном принципе способности суждения, который и проявляет себя в телеологических суждениях.

Кант дает следующее определение такому независимому принципу суждения о вещах, как целях природы: «Этот принцип гласит – и это есть одновременно его дефиниция: *органический продукт природы* – это продукт, в котором все есть взаимно цель и средство. В нем нет ничего лишнего, бесцельного, ничего, что можно было бы приписать слепому механизму природы»¹³. Важно помнить, что речь идет исключительно о регулятивной значимости этого принципа. Это значит, что, с одной стороны, суждения о продуктах природы уже предполагают опыт (иначе этот принцип был бы конститутивным), но с другой стороны, этот принцип не заимствуется нами из самого опыта, т.е. имеет (несмотря на свою укорененность в опыте) априорный характер. С учетом этого Кант предлагает называть этот принцип также «*максимой* суждения о внутренней целесообразности органических существ»¹⁴. Выбор в пользу такого наименования отнюдь не случаен, поскольку максима предписывает, как нам *следует* рассуждать при познании природы о таких ее особых продуктах, как организмы. Дело в том, что процесс познания природы оказывается обусловленным не только самим законодательством природы (всеобщими физическими законами), но и упомянутой максимой познания ее творений, без которой у нас не было бы ориентира, позволяющего выстраивать такое познание, а значит, не было бы и самого познания. В строгом смысле слова познание, по Канту, предполагает не просто фиксацию разрозненных опытных данных, но определенную *систематичность*, которую сам опыт нам предоставить не в состоянии. Телеологическая максима в известной мере сообщает процессу нашего познания систематический характер, а значит, придает всему процессу нашего познания природы подлинный смысл научного познания. Все в природе вполне можно пытаться объяснить, опираясь лишь на физические законы, но ре-

зультатом такого объяснения всегда будет выступать не сама природа, а лишь некая механистическая структура, которая где-то в скрытом виде все равно содержит указание на свой подлинный источник — живую, цельную природу. Если познание хочет полностью отказаться от телеологической компоненты, оно рискует лишиться собственной почвы. Кант полагает, что телеологический способ рассуждения о природе руководствуется собственным принципом, который, во-первых, имеет независимый априорный характер и коренится в нашем способе рассуждения о продуктах природы, а не в самой природе и, во-вторых, играет важную роль в самом процессе нашего познания природы.

Вместе с тем возникает еще один существенный вопрос, который Кант не может обойти стороной. Это вопрос о том, когда именно применима наша телеологическая способность суждения. Иными словами: применима ли наша способность рассуждать о природе телеологическим образом только к каким-то особым ее продуктам или же к любым? Этот вопрос вынуждает Канта перейти на более высокий уровень рассуждений. С одной стороны, из ранее изложенного вполне определенно вытекает, что телеологическая способность суждения применима только к особым продуктам природы, а именно к организмам. С другой стороны, мы должны учитывать тот факт, что телеологическая способность суждения черпает правила своего рассуждения не из самих продуктов природы, т.е. не из самих организмов. Не обстоит ли дело таким образом, что само понятие «организм» представляет собой продукт рефлектирующей, в данном случае телеологической способности суждения? Подобно тому как понятие механизма есть продукт определяющей деятельности нашего рассудка, примененный к данной нам в опыте чувственной материи, понятие организма — тоже продукт, но уже нашей рефлектирующей деятельности, причем в применении к уже определенной нашим рассудком материи. Таким образом, то, к чему применима наша рефлексия о природе, в известном смысле зависит от самой нашей рефлексии.

Идея, которая подспудно присутствует в размышлениях Канта, заключается в том, что, по всей видимости, само понятие «природа» есть нечто большее, нежели продукт определяющей деятельности рассудка. Природа — это уже продукт нашей рефлексии. Ибо как только мы начинаем рассуждать о природе, мы автоматически имеем дело не столько с определяющей, сколько с рефлектирующей (в данном случае телеологической) способностью суждения, т.е. рассуждаем о ней именно как об организме, в котором все не только закономерно, но и целесообразно. И если о природе в целом мы способны рассуждать как о едином организме, то

это в свою очередь предполагает, что каждая, даже самая крохотная и незначительная ее часть будет выступать элементом общей системы, а именно «системы целей», пусть даже в данный конкретный момент мы и не можем охватить — в силу ее грандиозности — всю картину взаимосвязи природной целесообразности. Обстоятельные размышления о природе как системе целей приводят Канта к мысли о том, что телеологический принцип выступает ни больше, ни меньше, как внутренним (имманентным) принципом естествознания в целом.

Для прояснения этой своей позиции Кант дает краткое описание того, как устроена всякая наука вообще. Науки могут выступать либо на собственных основоположениях, либо заимствовать их из других дисциплин, т.е. класть в основу своих учений так называемые леммы. Однако каждая наука, коль скоро она притязает на это звание, должна быть системой, которая не может быть создана только благодаря имеющейся у нас способности технически выводить одни положения из других. Иными словами, каждая наука должна быть чем-то цельным и существующим независимо от других наук (хотя, подчеркивает Кант, это не отрицает возможности того, что между разными науками могут быть определенные переходы). Необходимость представлять собой некую самодостаточную целостность предполагает, по мысли Канта, что в отдельно взятой науке основоположения ее не могут внешне дополняться основоположениями или принципами другой науки. Именно поэтому существовавшие издревле в философии телеологические концепции объяснения природы не могут удовлетворять принципу научности, поскольку они вовлекают в естествознание чужеродные ему принципы. В подобных теориях происходит смешение основоположений, так как для прояснения природных законов они апеллируют к божественным целям. Однако, замечает Кант, это не означает того, что вообще никакие телеологические принципы рассуждения не должны иметь места в естествознании. Другими словами, задача науки состоит не в том, чтобы вовсе отказаться от телеологии в естествознании, а в том, чтобы ограничить использование телеологических аргументов в естествознании только такими, которые имеют право на существование в рамках естествознания как науки.

Но где найти критерий для такого рода ограничения? Кант предлагает пойти по уже намеченному им пути и искать этот критерий в понятии организма. Аргументы Канта сводятся к тому, что мы не только имеем право, но и вынуждены использовать телеологическую способность суждения (разумеется, когда она не восходит к телеологическому аргументу, а действует самостоятельно в виде рефлектирующей способности суждения) при исследо-

вании организованных сущностей природы (организмов): «Свойства природы, которые обнаруживают себя априорно и возможность которых усматривается, следовательно, по всеобщим принципам без всякого содействия опыта, хотя и предполагают техническую целесообразность, не могут быть, поскольку они совершенно необходимы, отнесены к телеологии природы как относящемуся к физике методу, способному решать ее вопросы. Арифметические, геометрические аналогии, а также всеобщие механические законы, сколь нас ни поражает и ни удивляет в них соединение различных, как будто совершенно независимых друг от друга правил, не содержат из-за этого притязание на то, чтобы быть телеологическими основаниями объяснения в физике; и если они вообще заслуживают того, чтобы принимать их во внимание в общей теории целесообразности природных вещей, то место этой теории не здесь, а в метафизике, и она не составляет внутреннего принципа естествознания; если же речь идет об эмпирических законах целей природы в органических существах, то пользоваться телеологическим *способом суждения* в природе применительно к принадлежащему ему классу предметов не только дозволено, но и неизбежно»¹⁵. Таким образом, Кант довольно четко определяет возможность использования телеологических суждений. Но разберем все по порядку. Означает ли это, например, что в физике телеологическим суждениям нет места, поскольку в этой науке мы, как считает Кант, полностью абстрагируемся от вопроса о том, намеренно или ненамеренно были созданы те объекты, которые она изучает? Сначала, разумеется, возникает желание дать положительный ответ на этот вопрос и решить, что, по мнению Канта, телеологические суждения не применимы в физике и что их сферой деятельности выступает биология, которая занимается анализом непосредственно органических образований природы. Однако такой вывод основан только на видимости. Из дальнейшего контекста становится понятно, о чем в действительности говорит Кант: в физике телеологические суждения тоже имеют право на существование, однако, во-первых, только в *ограниченном* смысле (а именно в рамках формальной целесообразности, т.е. без знания действительных, божественных причин), и, во-вторых, только в качестве *вспомогательных* аргументов, а не исходных основоположений, которыми в физике могут быть исключительно законы природы. Вот почему Кант пишет, что «в телеологии, поскольку она привлекается в физике, с полным основанием говорят о мудрости, бережливости, предусмотрительности, благодетельности природы, не превращая ее этим в разумное существо (ибо это было бы нелепо), но и не осмеливаясь поставить над ней в качестве властелина другое разумное существо, ибо это

было бы дерзостью; телеология указывает лишь на определенный вид каузальности природы по аналогии с нашей каузальностью в техническом применении разума, чтобы иметь перед глазами правило, по которому надлежит исследовать определенные продукты природы»¹⁶.

Почему на долю телеологии выпадает только такая «вспомогательная» роль? Почему бы телеологии не составить какой-то особый раздел теоретического естествознания? Скорее всего, именно к выводу о наличии особого раздела теоретического естествознания, опирающегося на телеологические принципы, нас и склоняло бы прочтение Канта, если бы, как было проделано выше, мы неверно предположили, что Кант зарезервировал особую значимость телеологических принципов именно за биологией¹⁷. Поскольку же теперь нам ясно, что Кант имел в виду значимость телеологии для всего естествознания в целом, то и ответ на поставленные вопросы следует искать в этом направлении. И его не так трудно найти, если обратить внимание на изначально постулируемую Кантом связь телеологии с нашей способностью суждения. Ведь телеологические принципы применимы не к объектам природы, но к нашим суждениям о природе, а это значит, что они не могут обладать объективной значимостью, а соответственно, и составлять особый раздел теоретического естествознания, который бы предписывал конститутивные принципы определенного рода объектам нашего опыта.

Сделаем краткие выводы из предпринятой нами критической интерпретации аналитики телеологической способности суждения, предложенной Кантом во второй части «Критики способности суждения».

Путем проведения целого комплекса различий в понятии целесообразности Кант в итоге оставляет в качестве предмета для последующего исследования такое ограниченное понятие о целесообразности, которое мы могли бы обозначить как его эпистемологическое ядро. Таким эпистемологическим ядром понятия целесообразности оказывается так называемая цель природы. В ходе проводимой аналитики Кант раскрывает предложенный им концепт «цели природы», демонстрируя, что его своеобразие заключается в присущем ему двояком единстве: во-первых, в единстве целого и его частей, т.е. в нацеленности всех частей на целое как на свою цель, и, во-вторых, в единстве взаимодействия частей друг с другом, причем взаимодействия сменяющегося, попеременного, или, говоря словами Канта, взаимообусловленного процесса причин и действий, т.е. процесса, в котором части целого выступают по отношению друг к другу одновременно как цель и как средство. Среди вещей природы единственными вещами, кото-

рые соответствуют разъясненному Кантом концепту, могут выступать только так называемые организованные сущности, или организмы. Так Кант приходит к обнаружению объектов природы, которые могли бы соответствовать искомому им виду целесообразности (т.е. целесообразности, понимаемой, как уже было подчеркнуто, в узком, а именно эпистемологическом ее значении). Однако поскольку, с нашей точки зрения, Кант руководствуется философско-методологической установкой в исследовании проблемы целесообразности, а не установкой на конкретно-научное исследование самих целесообразных продуктов природы, то первостепенным для него оказывается вопрос о значимости той роли, которую играет наша телеологическая способность суждения, позволяющая выявленной целесообразности вообще обнаружиться в особых вещах природы, а именно в организмах. Телеологическая способность суждения не может быть конститутивной, заключает Кант, поскольку сами объективные цели природы не даны нам в опыте так, чтобы, опираясь на знание о них, мы могли выстраивать телеологические сужения о природе, которые в таком случае были бы не более, чем разновидностью определяющих суждений. Следовательно, наши телеологические суждения о природе могут строиться только по принципу рефлектирующей способности суждения, т.е. носить исключительно регулятивный (значимый не для самих объектов природы, а только для рассуждающего о них субъекта) характер. Но при всем при том, в таких суждениях обнаруживается некий фундаментальный элемент всеобщности, пусть и не объективной. Речь идет о том, что наши телеологические суждения о природе все-таки имеют характер всеобщей значимости, но значимости только для нас самих, рассуждающих о природе. Этот вывод Канта, отражающий суть его трансцендентального аргумента применительно к телеологии, поистине революционен для всей предшествующей телеологической парадигмы в философии. Целесообразность природы, по Канту, заложена не в самих объектах природы, а представляет собой особый, присущий человеку способ рефлексии о природе. В этой связи Кант говорит о так называемой телеологической максиме суждения о целесообразности природы. Более того, в результате оказывается, что телеологический способ суждения о природе имеет очевидную эпистемологическую значимость, т.е. применим (хотя и в ограниченном смысле) в науках о природе. Поскольку для процесса познания природы имеет значение не только сам познаваемый объект, но и познающий его субъект, Кант приходит к весьма знаменательному заключению: применение телеологического принципа в естествознании «не только дозволено, но и неизбежно».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Lehmann G. Kants Nachlasswerk und die Kritik der Urteilkraft.* – Berlin, 1939; *Mathieu V. Kants Opus postumum / Hrsg. von G. Held.* – Fr. a. M., 1989.
- ² *Кант И.* Первое введение в Критику способности суждения // *Кант И.* Собр. соч. В 6 т. Т. 5. – М., 1966. – С. 130.
- ³ См.: *Гёте И.-В.* Избр. философские произведения. – М., 1964. – С. 213 – 214. Об экземпляре «Критики способности суждения» в библиотеке Гёте и о его заметках на полях книги см.: *Vorländer K. Einleitung des Herausgebers // Kant I. Kritik der Urteilkraft.* – Hamburg, 1959. – S. XXV – XXX. Более подробно о влиянии идей Канта на Гёте см.: *Günzler C. Das Teleologieproblem bei Kant und Goethe. Univ. Diss.* – Freiburg, 1964.
- ⁴ Даже В. Бартушат в своем известном комментарии к «Критике способности суждения» не уделяет этому вопросу особого внимания (см.: *Bartuschat W. Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilkraft.* – Fr. a. M., 1972).
- ⁵ *Кант И.* Критика способности суждения. – М., 1994. – С. 239.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. – С. 241.
- ⁸ В используемом нами русском переводе «Критики способности суждения» вместо слова «действие» (*Wirkung*) стоит слово «цель» (*Zweck*), что не только не соответствует немецкому оригиналу, но и вносит путаницу в ту мысль, которую здесь излагает Кант.
- ⁹ *Кант И.* Критика способности суждения. – С. 243 – 244.
- ¹⁰ Ср.: *Teichert D. Immanuel Kant. «Kritik der Urteilkraft». Ein einführender Kommentar.* – Paderborn, 1992. – S. 109.
- ¹¹ *Кант И.* Критика способности суждения. – С. 246.
- ¹² Там же. – С. 247.
- ¹³ Там же. – С. 249.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. – С. 256.
- ¹⁶ Там же. – С. 257.
- ¹⁷ Такую точку зрения разделяет ряд исследователей Канта. Наиболее последовательно она изложена в работе Э. Унгерера (см.: *Ungerer E. Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie.* – Berlin, 1922).

Ключевые слова: трансцендентальная философия, критика способности суждения, телеология, эвристический принцип познания.

В статье на основании критической реконструкции аналитики способности суждения, которой посвящена вторая часть «Критики способности суждения» И. Канта, демонстрируется, что предложенное Кантом решение телеологической проблемы имеет важное философско-методологическое значение для разъяснения процесса научного познания.

Keywords: transcendental philosophy, critique of judgment, teleology, heuristic principle of knowledge.

Summary. The article is intended to demonstrate, through the critical reconstruction of the analytic of judgment in the second part of Kant's «Critique of the power of judgment», that the solution of the teleological problem, proposed by Immanuel Kant, can be successfully used in order to understand certain philosophical and methodological aspects of the process of scientific inquiry.